

Вера СЕРАФИМОВА

г. Москва

Выверять литературу жизнью

О «военной страде в тылу» в тетралогии Ф. А. Абрамова «Пряслины» и о нравственной высоте сельских тружеников. Поэтика прозы.

Федор Александрович Абрамов (29.02.1920 – 14.05.1983) – летописец русской деревни. Творческий принцип писателя – «Выверять литературу жизнью». Осмысление связи времен, какой бы период жизни русской деревни Ф. А. Абрамов ни исследовал, приобретает нравственно-философский аспект в его произведениях.

Слово писателя Абрамова вместило в себя и историю нашей страны, и историю русской деревни, создало огромное духовное пространство, погружаясь в которое благодарный читатель глубже осознает связующие нити между прошлым и настоящим и с большим чувством ответственности размышляет о том, как жить дальше, как созидать жизнь, сохранив, по образному выражению Глеба Горбовского, «свет, идущий изнутри!» от прекрасных образов, созданных Ф.Абрамовым, – и труженицы Анны Пряслиной, и добрейшей Лизы Пряслиной, и гордой, понимающей человеческие нужды Анфисы Петровны, и серьезного и честного Лукашина, и согревающей добротой людей старой крестьянки Милентьевны, и «рвущей жилы» Пелагеи, и целеустремлен-

ного, юношески бескомпромиссного к себе Михаила Пряслина:

*Не крыши, крытые соломой,
не труд с рассвета до зари,
не вкус слезы ее соленой –
а свет, идущий изнутри!
Не пути права крепостного,
не худоба пустых полей,
не гомон пения хмельного –
а совесть нации моей! (...)*

(Г. Горбовский «Русская деревня», 1978)
(выделено мною. – В.С.)

Размышляя о созидательной роли искусства в жизни людей, Абрамов в беседе с корреспондентом журнала «Молодой коммунист» (№3, 1976) подчеркнет стремление художника к постижению человека, его духа, душевного бытия, в которых «отражается не только его личная жизнь, но и человек вообще во всей его красоте, сложности, трагизме».

Ф. Абрамов родился 29 февраля 1920 г. в селе Веркола Архангельской губернии. Он родился в многодетной крестьянской семье, братья его и сестры тяжелым трудом сколотили добротное хо-

зайство, из-за которого позже в годы коллективизации у мальчика – будущего писателя – возникли проблемы, связанные с возможностью свободно учиться. Но он блестяще окончил районную десятилетку в 1938 г. и поступил в Ленинградский институт на филологический факультет. В 1941 г. ушел добровольцем в армию, был тяжело ранен, лежал в блокадном ленинградском госпитале, вернулся в армию, служил до конца войны в войсках СМЕРШ, доучивался в Ленинградском государственном университете, защитил диссертацию, преподавал историю литературы в университете и работал над романом «Братья и сестры». Впервые имя Ф. Абрамова читатель узнал из статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», напечатанной в журнале «Новый мир» в 1954 г.

Первый роман Ф.А. Абрамова «Братья и сестры» (1958 г.) ознаменовал появление в советской литературе так называемой «деревенской прозы».

Исследование писателем повседневной жизни своих героев покоряет способностью понять и художественно убедительно выразить высокий смысл жизни и чувства простых тружеников, оценить нравственный опыт и традиции народа, найти устойчивые духовные ценности в его жизни. Все любимые нами абрамовские герои – и Милендьевна из повести «Деревянные кони», и Анна Пряслина, выстоявшая в неопишимо тяжелых условиях в годы войны, и ее дети Михаил и Лиза, и Анфиса Минина, державшая на своих плечах в годы войны весь колхоз, и Марфа Репишная – близки к земле, к природе, им присущ тот несгибаемый стержень, что позволяет всегда оставаться настоящими людьми, стержень этот – любовь к труду не как к источнику личного обогащения, а к труду, доставляющему радость, облегчающему жизнь и другим людям. Сам участник войны, Абрамов, размышляя о бессмертном подвиге советских воинов в годы Великой Отечественной войны, подчеркнет роль русской женщины, ее самоотверженный труд для победы: «На плечах этих безымянных тружеников и воинов стоит здание всей нашей сегодняшней жизни. Вспомним, к примеру, только один подвиг русской бабы в минувшей войне. При этом я ни на минуту не забываю о подвижничестве женщины других народов нашей великой страны. Но говорю о русской бабе, потому что о русской прозе веду речь. Ведь это она, русская баба, своей сверхчеловеческой работой еще в сорок первом году открыла второй фронт, тот фронт, которого так ждала Советская армия. А как, какой мерой, каким мерилом измерить подвиг все той же русской бабы в послевоенную пору, в те времена, когда она, зачастую сама голодная, раздетая и разутая, кормила и одевала страну, с истинным

терпением и безропотностью русской крестьянки несла свой тяжкий крест вдовы-солдатки, матери погибших на войне сыновей».

Кредо Абрамова – «выверять литературу жизнью». Эпический охват событий, изображение характеров в их историческом развитии характерны для тетралогии Ф. Абрамова «Пряслины» (1958–1979), состоящей из романов «Братья и сестры» (1958), «Две зимы и три лета» (1968), «Пути-перепутья» (1971) и «Дом» (1979), создававшейся больше двадцати лет. В них нарисована незабываемая картина русской жизни на протяжении тридцати лет, начиная с военного 1942 г., показаны люди, с честью выдержавшие тяжкие испытания в военные и послевоенные годы.

Пером писателя всегда движет жажда справедливости, стремление сказать самое главное, заветное. На основе лично пережитого, увиденного родился первый роман Абрамова «Братья и сестры», а затем его продолжение – «Две зимы и три лета».

«В конце зимы сорок второго года, – вспоминает Федор Абрамов, – меня, тяжело раненного фронтовика, вывезли из блокадного Ленинграда на Большую землю. После долгих скитаний по госпиталю я наконец очутился у себя на родине – в глухих лесах Архангельской области... Время было страшное. Только что подсохшие степи юга содрогались от гула и грохота сражений – враг рвался к Волге, а тут, на моей родной Пинеге, шло свое сражение – сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», были страшная нужда и работа. Тяжелая мужская работа в поле и на лугу. И делали эту работу полуголодные бабы, старики, подростки. Много видел я в то лето людского горя и страданий. Но еще больше – мужества, выносливости и русской душевной щедрости».

В ответах на вопросы газеты «Советская Россия» (1980) Абрамов вновь скажет о мотивах написания своих романов: «К сожалению, непосредственно о фронтовой жизни я ничего еще не написал, хотя и собираюсь. Как писателя, меня целиком захватила **военная страда в тылу, тот второй фронт**, открытия которого столько времени мы ждали от союзников и который, по существу, **открыла русская баба** еще в 1941 году. Об этой бабьей войне в тылу я и старался сказать свое слово» (*выделено мною. – В.С.*).

О незабываемой «военной страде» 42-го года писатель и расскажет в своем первом романе «Братья и сестры», поселив своих обаятельных тружеников в затерянную в лесах вымышленную деревню Пекашино реально существующего Пинежского района на архангельской земле.

Вдова и наследница писателя Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова в своих размышле-

ниях на страницах «Литературной газеты» о судьбах книг писателя видит происхождение названия романа «Братья и сестры» в Евангелии: «Ведь и название главной абрамовской эпопеи «Братья и сестры» – восходит, конечно, к евангельской лексике, а вовсе не к сталинскому обращению к народу в начале войны, как почему-то предположил критик Игорь Золотусский» (Фоняков И. Чтобы всю Россию осветить // Лит. газета, 1995. 1 марта).

Действительно, по прочтении романа мы убеждаемся в многоплановости смысла названия, несущем на себе и приметы времени (обращение Сталина по радио о начале войны начиналось словами «Братья и сестры»), и глубокий подтекст. Название передает идею общности советских людей в труднейшее для страны время, единство их веры и действия.

Обобщающими кажутся слова одного из героев романа секретаря райкома Новожилова: «Вот, говорят, война инстинкты разные побуждает в человеке. А я смотрю – у нас совсем наоборот. Люди из последнего помогают друг другу. И такая совесть в народе поднялась – душа у каждого насквозь просвечивает. И заметь: ссоры, дразги там – ведь почти нет. Ну как бы тебе сказать? **Понимаешь, братья и сестры!**» (выделено мною. – **В.С.**).

Писатель бескомпромиссной правды видит реальное лицо жизни, без ложного пафоса и патетики передает предельное напряжение сельских тружеников – бойцов «второго фронта».

В массовых сценах, в эпизодах коллективного труда Абрамов создает портрет пекашинцев, черпающих силу в единении, в труде, в надежде, что возвращенный ими в невероятно тяжелых условиях хлеб, столь необходимый фронту (где, как скажет председатель колхоза, Анфиса, «мужики кровью обливаются»), скорее принесет долгожданную победу. Коллективный портрет пекашинцев, выявляющий истоки силы народа, дан в ряде эпизодов романа. Вот пекашинцы собрались огромной толпой у правления. «На грязной заледе у крыльца стояли легкие, маленькие, как игрушка, пошевни, доверху заваленные мохнатыми овчинами, а на них жаром горела праздничная, убранная медью сбруя. (...) Черные точеные полозья с подковками фигурно выгнуты на козлах; высокое сиденье – в узорчатой резьбе, стенка и задник расписаны муравой – будто ворох свежего сена шевелится на грязной заледе». Это – «герой дня», как скажут о нем колхозники, сват Анфисы, Степан Андреянович, мастер с золотыми руками («сейчас, во время войны, когда без мужского догляда на глазах ветшали и разваливались постройки, она всякий раз, проходя мимо, с удовольствием поглядывала на дом свата: все крепкое, добротное, сделано на вечные времена»), дарит сани в фонд

Красной армии. В этот день до позднего вечера, как повествует рассказчик, пекашинцы в фонд Красной армии «вели овец, несли овчины, полушубки».

Страницей раньше мы узнаем с серенького листа похоронки о гибели на фронте сына Степана Андреяновича: «Командование части... с глубокой скорбью извещает, что Ваш сын гвардии политрук Ставров Василий Степанович, 20 марта 1942 года...», узнаем и о том, что «расписные пошевни» отец сам изготовил в подарок к свадьбе сына.

Еще один коллективный портрет пекашинцев – описание сенокоса у Синельги, ярко высвечивающий характеры героинь Марфы и Анфисы, трудолюбие, достоинство и нравственную силу, вдохновлявшую русских женщин, стариков и старух в тяжелые военные годы. Вслушаемся во внутренний монолог Лукашина, терзающегося муками совести, что после тяжелого ранения на фронте не может в полной мере работать наравне со всеми (в финальной 47-й главе романа Лукашин опять отправится воевать на фронт): «Раньше он был твердо убежден, что, выбитый из строя на фронте, он делает здесь большое и нужное дело <...> Но вот уже месяц, как он почти ничего не делает, – ведь не считать же за работу его прогулки по бригадам да короткие беседы в минуты роздыха. А люди работали, да еще как работали! (...) Другая, великая, неведомого доселе размаху сила двигала людьми. Она, эта сила, поднимала с лежанок дряхлых стариков и старух, заставляла женщин от зари до зари надрываться на лугу».

Лукашину – человеку долга и дисциплины – казалось, что «великая сила» «заглушала подчас голодный крик ребенка», но правда слова Абрамова в романе в том и состоит, что писатель без лакировки показал истинную человечность своих героев – подлинную их жизнь в годы войны – и терзания матери при крике голодного ребенка, и желание бабьего счастья, и истощный плач вдовы.

Ретроспективный взгляд писателя раскроет прошлую довоенную счастливую жизнь деревенского силача и красавца Вани-силы, обожавшего свою жену – «маленькую смуглявую женчонку, голова которой едва доставала ему до подмышек». Не иначе как «куколкой» и не называли Анну с завистью пекашинцы. («Дружно зажили молодожены. В положенный срок Анна родила сына, потом детишки пошли как грибы».)

Одними из первых в деревне Пряслины получают похоронку на Ивана-силу. «Всю ночь на полу, уткнувшись головой в подушку, охала, стонала раздавленная горем Анна. Глухие надрывные стоны матери рвали Мишкино сердце, и он лежал, стиснув зубы, весь в горячей испарине», – так повествует автор о великом горе в семье Пряслиных,

когда в село дойдет весть, что Иван Кириллович – Ваня-сила – погиб на фронте.

Пронзительной болью насыщено повествование о том, как после похоронки на отца вмиг повзрослеет четырнадцатилетний Мишка Пряслин, осознает всю горечь потери и свою ответственность за мать, младших братьев и сестер. «Никогда он не задумывался, какая у него мать», – вслушиваемся мы в его внутренний голос. «А вот она какая – маленькая, худенькая и всхлипывает во сне, как Лизка. (...) Старенькое, рваное с подола платишко взбилось выше колен, на ногах грязные, перепачканные глиной сапожки, байковый платок на голове – свалилась в чем была, да так и забылась. (...) А возле нее по обе стороны рассыпанной поленицей ребятишки: белоголовая Татьяна с протянутой к груди матери ручонкой, Лизка с распухшим, посинелым лицом – эта все понимает, Петька и Гришка, прижавшиеся друг к другу; толстощекий, разогревшийся во сне Федюшка».

А вот и описание утра, когда просыпались голодные ребятишки, и раздирающие сердце терзания, мучения Анны: «Утро в избе Пряслиных началось с обычного вскрика:

– Ма-ма-а, исть хочу!

Охая, Анна медленно поднялась с постели, побрела затоплять печь. Потом она машинально, по привычке, бралась то за одно, то за другое, как в тумане ходила по избе. Ребятишки пугливо жались по углам, а Мишка молча, закусив губу, чтобы не разрыдаться, делал начатое ею, ходил по пятам за матерью, и у него не было сил взглянуть ей в лицо».

С глубоким мастерством психолога и гуманиста Абрамов передает динамику чувств подростка, состояние его души – «Молча, глотая слезы, Мишка переводил взгляд с сестренки на братишек, тут первый раз в его ребячьем мозгу ворохнулась тоскливая мысль: «Как же без отца будем?» Но когда председатель колхоза Анфиса Петровна предложит хлопотать, чтобы Петьку, Гришку и Федюшку в детдом взяли, – Михаил, глядя на присмиривших ребят, «немо» уставившихся на него («Босые, с ранней весны потрескавшиеся от воды и грязи ножонки»), «резко» скажет: «Нет, никуда не отдадим».

Через два дня Мишка Пряслин займет пустовавшее за столом место отца и станет «по-отцовски резать и раздавать хлеб».

В романе есть много страниц, изображающих подлинную жизнь деревни в годы войны. Потрясает авторская чуткость в передаче страданий и голодных людей, работавших на износ, и в то же время с истинной человечностью отзывающихся на страдания, горе односельчан. «Там в мешке я мучки принес», – скажет, прощаясь в сенях, Степан Андреяно-

вич Мишке Пряслину, до этого «черствой, загрубелой ладоною» глядя по голове Анну и ребятишек, сам давясь от слез.

Истинную человечность, самоотверженность проявляют голодные пекашинцы, чтобы облегчить весной и страдания голодной скотины: «От рева голодной скотины можно было сойти с ума. И чего только ни делали, как только ни бились люди, чтобы спасти животных! День и ночь рубили кустарник, косили прошлогоднюю ветошь, драли мох на старой гари, отощавших коров подымали на веревках, привязывали к стойлам, – и все-таки от падежа не убереглись».

Роман «Две зимы и три лета» был написан Абрамовым в 1968 году, через десять лет после первого романа-тетралогии – «Братья и сестры».

Время действия в романе – это первые невероятно трудные послевоенные годы, место действия – то же, – Север, Архангельская область, деревня Пекашино. Продолжается углубленное осмысление военной действительности. Люди ждали конца войны, вынесли на своих стариковских, бабьих плечах все тяготы крестьянского труда, трудовую тяжесть войны, верили, что после победы жизнь изменится к лучшему, мечтали о сытной жизни. Но до нее было еще далеко.

Не много приходится жить дома Михаилу Пряслину. Стране нужен лес, чтобы отстроить разрушенное в годы войны. Как и многие пекашинцы, с осени до весны будет Михаил на лесозаготовках; «потом сплав, потом страда – по неделям преешь на дальних сенокосах, – потом снова лес. И так из года в год». Первые части первой главы романа рассказывают о возвращении Михаила с лесозаготовок как о празднике. С любовью, подробностями и деталями описывает автор, как ждали Мишку в доме близнецы Петька и Гришка («Только Миша один на уме. Глаз из окошка не вынимают»), как Мишка с Егоршей Ставровым причалил плот с сеном, как мать не сводила глаз с сына, как рассказывала сыну о праздновании Дня Победы, о заеме («И шуму было, и слез было, и радости. Кто скачет, кто плачет, кто обнимается. У правленья улица народу не подымала – речи говорили, с флагами по деревне ходили. Потом на заем стали подписываться. Я без памяти-то на триста рублей подписалась»), как брился Михаил, как стриг братьев, отмывался в бане. С любовью к своим героям повествует автор о том, как вся семья соберется за столом и Михаил поставит на пол плетеную из бересты корзину, вынет из нее буханку ржаного хлеба. «У ребят дыханье перехватило (...) Давно, сколько лет не бывало в их доме такого богатства». Подняв глаза к отцовской фотографии, Михаил скажет: «– Это мне начальник лесопункта

Кузьма Кузьмич подбросил буханку. <...> На, говорит, помяните отца. Вместях раньше работали».

С истинным наслаждением разрежет Михаил буханку на равные пайки – «пусть запомнят победу». А еще извлечет Михаил из своей корзины «кусоч голубого ситца с белыми горошинами» и протянет сестре Лизке («По косе уже девка. Но в остальном... В остальном ничегошеньки-то для своих пятнадцати лет. Как болотная сосенка-заморыш»), и Лизка, прижимая к груди ситец, разрыдается, – «Первый раз в жизни ей подарили на платье». Не обойдет автор вниманием и состояние младшей – Татьянки, требовательно топнувшей ногой. «– Хватит и тебе. И мать, может, чего для себя выкроит. Восемь метров», – успокоит ее Михаил и достанет из корзины «новые черные ботинки на резиновой подошве, с мелким рубчатым кантом и парусиновой голяшкой – «Ну-ка, сестра, примерь»».

В бедном быту, в реальной жизни открывает Абрамов красоту своих героев, внутреннюю их чистоту. «И это мне? – еле слышно пролепетала Лизка, и вдруг глаза ее, мокрые, заплаканные, брызнули такой неудержимой зеленой радостью, что все вокруг невольно заулыбались – и двойнята, и мать, и даже сам Михаил».

В День Победы помянут Пряслины отца, «...только младшеньким Татьянке и Федьке слово «отец» ничего не говорило», – с горечью дополнит автор повествования о празднике в доме Пряслиных и о Михаиле, ставшем хранителем и защитником дома после гибели отца на фронте.

На страницах второго романа Абрамов, проследившая судьбы своих героев, сдержанно, в строгих реалистических тонах расскажет о прощании с сестрой бывшего коммунара Тимофея Лобанова, побывавшего в плену у немцев, безвинно виноватого, с которым и отец не будет разговаривать («Максим убит, Яков убит, Ефим убит, муж у дочери убит»), фактически выгонит его. Не скроет правды автор, как относились к пленным. Михаил, несмотря на заступничество Кузьмы Кузьмича за Тимофея Лобанова («Война без плена не бывает. За Тимофея можно не беспокоиться»), будет настаивать на своем («В нынешнюю войну все насмерть воевали. И надо еще доказать, кто как сдался»), напишет «донесение» на Тимофея, что тот не выполняет закон о трудоповинности, дезертировал «с лесного фронта». Показательна для послевоенных лет и реакция второго секретаря райкома Шумилова – «А-а, так это тот, который в плену был? Понятно, понятно. Мы его вылечим – передадим прокурору».

Через три дня Михаилу скажут, что Тимофей умер – «Умер во время операции. От рака». Позже Михаил осознает свою вину перед ним – «Тимофея

не война в лес загнала. Люди... Меня плен этот проклятый с панталыку сбил. Думаю: вот как: отец у меня за родину погиб, а ты, гад, всю войну в немецком тылу шкуру спасал... А может, он и в плену не по своей воле попал? Может, его раненого взяли?» Проследившая автор и личную трагедию Михаила, как Михаил бросит в огонь Дуняркин плазоточек, который он берег столько лет, когда она в городе откроет ему правду, что не вернется в село «агрономить» – «лейтенант замуж зовет... Как думаешь? Идти?» – «Иди», – глухо скажет Михаил.

Фигура Михаила Пряслина является самой убедительной, удачной фигурой в тетралогии Абрамова. В нем со всей глубиной исследованы приметы времени. «Характер Михаила Пряслина, исполненный обаяния и нравственного здоровья, являющийся, вне всякого преувеличения, открытием писателя, – это воистину типический характер времени, характер, точно и правдиво очерченный. Это подлинно народный и вместе с тем глубоко советский характер, вобравший в себя все лучшее из нравственных традиций народа и сформированный опытом колхозного труда. Это проявляется <...> в социальной, гражданской активности Михаила Пряслина, в его чувстве хозяина родной земли», – писал об абрамовском герое Ф. Кузнецов.

В большой степени в художественном отношении удался Федору Абрамову и образ секретаря райкома Подрезова, фигуры далеко не однозначной. Секретарь райкома «умел все делать сам: пахать, сеять, косить, молотить, рубить лес, строить дома, ходить на медведя, закидывать невод». Но наступает момент, когда Подрезов вступает в конфликт со своим временем, не может до конца разобраться в новой ситуации, складывающейся в районе. Ситуация эта требует больших технических знаний, нового подхода в вопросах руководства райкомом, где строится крупный механизированный комплекс. Подрезов сознает необходимость изменений, но инерцию старого ему преодолеть нелегко.

Абрамов с максимальной правдивостью расскажет о тяжелейших послевоенных годах деревни. Рассказывает и о том, как в Пекашино соберутся с пухлыми полевыми сумками сразу пять уполномоченных: «уполномоченный по лесозаготовкам, уполномоченный по мясу, уполномоченный по молоку, уполномоченный по дикорастущим – и на них был план <...> Плюс к этому свой постоянный и налоговый агент Ося», как работали люди, чтобы эти огромные планы выполнить и что-то на трудодень получить. Писатель с юмором отметит, что у парторга Озерова вдребезги разлетится план агитационно-массовой работы – «Некого агитировать. Некого подгонять. Люди работали дотемна». От-

метит автор и жадность своего главного героя к работе – «Особенно лютовал в эти дни Михаил Пряслин. Жатка в колхозе была одна – вторая рассыпалась еще в прошлом году, – и Михаил жарил по восемнадцати часов в сутки».

Герои Абрамова формируются прямо на глазах читателя. Читая о свадьбе Лизы Пряслиной, о том, как учтиво, «по-старинному» кланяется она гостям, пришедшим к ней на свадьбу, мы задаем себе тот же вопрос, который задает себе Михаил: «откуда она знает все свычаи и обычаи? Ведь, кажись, и свадьбы-то настоящей на ее глазах не было».

Приметы времени лежат на всех ситуациях и на каждом герое романа. Вот в Пекашино проводится подписка на заем. В дом фронтовика Ильи Нетесова пришли районный служащий Ганичев и председатель колхоза Евдокимов. «Марья встретила их не то чтобы сдержанно – враждебно», – такой предстает ситуация по описанию повествователя. Подняла черные колючие глаза от белья, которое чинила, сидя на железной кровати местной ковки, буркнула что-то вроде: «Проходите» – и больше на них не взглянула. Сидела, затягивала одну за другой дыры на ребячьих рубашонках и одновременно ногой в валенке, на которой была надета петля, качала зыбку, наглухо завешенную старым ситцевым сарафаном».

Авторское повествование передает и быт, и бытие конкретного времени в деревне. А вот и характерный диалог между хозяином дома Ильей Нетесовым и районным уполномоченным, проводящим заем, Ганичевым:

«– На тысячу двести вытянешь?»

– На тысячу двести? – Илья, будто споткнувшись на ходу, посмотрел себе под ноги, посмотрел на жену. – Вечор кабыть на шестьсот говорили. <...> Видишь, какое дело, товарищ Ганичев. – Илья опять посмотрел на жену. – Без молока живем. Охота бы какую животину заиметь. Хоть бы козу на первое время. Ребятишки.

– У всех ребятишки. А заем-то зачем, голова садовая? Чтобы этим самым ребятишкам хорошую жизнь устроить. <...>

Сверху, с печи, четыре ребячьих глаза сверлили Лукашина. Марья перестала качать зыбку».

Резкий отпечаток времени несет на себе и эпизод снятия с поста председателя колхоза Анфисы Мининой. Анфису Петровну снимают с поста по распоряжению районного начальства. Подрезов скажет: «Мы, райком, долго возились с Мининой. Со всех сторон ее подпирали. Но, как говорится, изба на подпорках не изба. Пора и у вас в Пекашине подвести под войной черту». Несмотря на реплику Ильи Нетесова – «– Но, товарищи, надо бы нашему председателю за войну хоть спасибо сказать...», – ни у од-

ного колхозника не найдется для этого смелости. Михаил Пряслин тоже промолчит, хотя осознает – «Столько лет трубила-трубила, а на поверку оказалось, что у людей и доброго слова для тебя нет», – в чем после будет раскаиваться. В слезах будет упрекать его чистая в своих порывах любимая сестра Лиза за его отговорки – «после райкома у нас не принято говорить». Довод Лизы – «Ну и что, – то райком, а то люди. Райком сказал, и вы бы сказали. Спасибо, мол, Анфиса Петровна, за труды твои великие, за то, что с тобой все беды да напасти пережили».

И при новом председателе Паршине, затем сменившем его Лукашине колхозники часто будут вспоминать Анфису Минину на посту председателя, жалеть о своем решении и вслед за Петром Житковым скажут: «М-да, не всякие штаны лучше бабьей юбки». Позже Подрезов сознается в порыве откровенности Лукашину, почему Анфису Минину – человека действительно большой души и отзывчивого сердца – сняли с поста председателя: «– Ты знаешь, за что твою жену с председателей сняли (...) За бабью жалость <...> Хозяйственная баба. Этого у нее не отнимешь. И уж если на то пошло, так с лесозаготовками у нее не хуже было, чем у других. А даже лучше. Только жалостлива больно. Всех ей пожалеть хочется. За каждого она заступница. За эту, за ту, за третью».

Уже в романе «Две зимы и три лета» зарождается новая центральная тема в повествовании о Пряслиных в последующих произведениях тетралогии – «Пути-перепутья» и «Дом». Без лакировки, правдиво, в традициях великой русской классической литературы – «правда без всяких прикрас» – писатель подвчергует глубокому осмыслению те изменения, которые произошли в жизни села в 70–80-е годы. О необычайно осложнившихся отношениях между людьми размышляет Анфиса Минина:

«Да, что-то менялось в жизни, какие-то новые пружины давали себя знать – она, Анфиса, это чувствовала, – а какие? Раньше, раньше, еще полгода назад, все было просто. Война. Вся деревня сбита в один кулак. А теперь кулак расползается. Каждый палец кричит: жить хочу! По-своему, на особицу».

Напряженность повествования возникает из-за конфликтов, недоразумений, противоречий деревенской жизни. Любовь Михаила Пряслина к женщине, namного его старше, вызовет осуждение деревни, сопротивление семьи. Дружба с легкомысленным Егоршей обернется враждой. Чувство долга ведет Михаила туда, где он нужен, жажда легкой жизни приводит Егоршу к приспособленчеству.

Об отсутствии подчас у людей нравственного стержня, духовном обнищании, потере интереса к труду, о стремлении лишь к материальному благо-

получию с большой горечью говорит и Михаил Пряслин в последней книге тетралогии «Дом», и его голос сливается с авторским голосом: «Жизнь Пекашина вот уже столько лет катилась по хорошо накатанной колее. Зашибить деньгу, набить дом всякими тряпками-сервантами, обзавестись железным конником, то есть мотоциклом, лодкой с подвесным мотором, пристроить детей, ну и, конечно, раздавить бутылку... А что еще работяге надо?»

Ясно звучит в «Доме» и авторский спрос к каждому за «распорядок жизни». На совет жены Раисы – не лезть на рожон, не связываться с всесильным начальством («Язык-то там не больно распускай. У Таборского оборона от Пекашина до Москвы»), на ее аргумент – «В других деревнях не лучше», – Михаил Пряслин выдвинет свой аргумент, свою инвективу – «В других деревнях другие люди есть. Иван Дмитриевич Лукашин как, бывало, говорил? Во всей стране навести порядок – это нам, говорит, из Пекашина не под силу, кишка тонка, а сделать так, чтобы в Пекашине бардака не было – **это наш долг**» (*выделено мною. – В.С.*).

Понятие «дом» ассоциируется в тетралогии с Русью, с Россией. «У нас русью-то домашнее называют. А здесь, в суземе, какая уж русь...» – скажет Лукашину на сенокосе Варвара. 11-я глава романа «Дом» начинается со слов: «Дождь застал Михаила уже на руси, то есть после того, как он из лесного сузема выбрался в поля».

Обустроить дом, обустроить русь – в контексте тетралогии Абрамова – это значит обустроить жизнь, построить ее по законам разума и добра, гармонии с другими людьми.

Заканчивается роман воспоминаниями Михаила Пряслина о первом дне войны, об отце – Ване-силе, красивом русском человеке: «Внезапно утреннюю тишину резануло бабьими вскриками да причитаниями, затарахтели телеги. Мать, расплескивая молоко, кинулась в избу. Отец втюкнул топор в чурбан, прислушался. Потом долго глядел на Мишку и наконец тихо сказал: «Пойдем-ка, сынок...» И вот они в огороде, за амбаром. Отец опять глядит на него, хочет что-то сказать. Но в это время из-под крыши амбара выпорхнул воробей. «Гнездышко! – зашептал Мишка. – Давай я слазаю». – «Не надо» – поморщился отец. «Иван, Ваня... Где ты?» Это мать. Отец махнул рукой и пошел к дому. У калитки он круто обернулся, привлек к себе Мишку и, заглядывая ему в глаза, спросил: «Ты понял меня? Понял, сынок?»

Тридцать лет помнил сын слова отца. «Сказал в тот день, когда уходил на войну, и тридцать лет он ломал голову над ними, и вот теперь он их, кажется, понял...» – финал четвертого романа тетралогии. Не разрушать «гнезда», сберечь дом, семью,

сохранить малую «русь», обустроить жизнь – так понимает Федор – сын солдата Великой Отечественной войны – завет отца.

О нравственной высоте сельских тружеников идет речь и в повестях Ф. Абрамова «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька».

Повесть «Деревянные кони», как и «Пелагею», Ф.А.Абрамов писал в 1969 г., «Альку» – в 1971; все эти произведения покоряют стремлением писателя найти устойчивые духовные ценности в жизни народа, понять особенности национального характера. Вопросы, волнующие писателя в этих произведениях, те же, что и в тетралогии о Пряслиных, и в публицистике Абрамова, в его взволнованных статьях, и в выступлениях, таких как «Чем живем-кормимся», «О хлебе насущном и хлебе духовном», «Пашня живая и мертвая» – это отношение людей к работе, нравственным нормам, к долгу и чести тружеников.

В открытом письме землякам «Чем живем-кормимся» (1979 г.) Абрамов резко ставит вопрос о «спросе» каждого к самому себе, пишет о необходимости изменить обстоятельства, порождающие «разруху». Говоря об объективных трудностях в жизни своих земляков в Верколе, Абрамов прежде всего связывает судьбу земли с людьми, работающими и живущими на ней: «А сами люди – их отношение к работе, хозяйству, даже к самим себе? Не вытесняет ли порой трудника и рачительного хозяина равнодушный работяга, поденщик, калымщик?» Приведет писатель и примеры позорной бесхозяйственности. Боль и гнев, «спрос к себе» звучат и в страстных монологах Абрамова: «...Все больше выветривается любовь к земле, к делу, теряется уважение к себе. И не в этом ли одна из причин прогулов, опозданий и пьянств, которые становятся бедствием?»; «Еще недавно, в колхозные времена, веркольская земля кормила чуть ли не всю деревню, а ныне не может обеспечить фуражом даже своих коров»; «Равнодушные, пассивность, нежелание портить отношения с односельчанами... И вечная надежда на строгого и справедливого начальника, который откуда-то придет и наведет порядок. Почти как у Некрасова: «Вот придет барин, барин нас рассудит». Но так ожидала бабушка Ненила, неграмотная старуха некрасовских времен. А теперь-то, когда почти у всех чуть ли не среднее образование, теперь-то зачем ждать помощи со стороны? Лучше вас никто не знает веркольской земли, хозяйства людей, местных нравов – вам и браться за дела, вам и наводить порядок в собственном доме».

«Вам и наводить порядок в собственном доме» – сквозная метафора в художественном мире Ф. Абрамова. Проблемы, поднятые писателем в публицистике, приобретают образную плоть в художест-

венных его произведениях, определяют нерв взволнованного абрамовского повествования о человеческих радостях и драмах, о судьбах земли, на которой живет человек, и о человеческой ответственности за свою судьбу и судьбу Земли.

В статье «Слово в ядерный век» Абрамов размышляет о роли писательского слова в духовной жизни человека, об ответственности писателя: «Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на Земле, – энергия человеческого духа. Словом создавалась культура, словом ковалась вера, ковались идеалы. (...) И сегодня, в век неслыханной, небывалой спекуляции словом, лишь нам, писателям, дано вернуть слову его изначальную мощь и силу».

Концепт Человека в творчестве писателя – «Человек ... – совесть нации». Сохранить всю жизнь «отзывчивое, отважное сердце», «..свет, идущий изнутри!», сохранить «русь», родную речь, сохранить дом, обустроить жизнь в каждом «маленьком месте» (выражение Андрея Платонова) по нравственным законам – долг и честь каждого человека, – так прочитывается проза Абрамова. И потому она актуальна во все времена.

Литература:

1. Абрамов Ф. А. Собр. сочинений. В 6 т. – Л., СПб.: Художественная лит. 1990 – 1996.
2. Бобров Александр. С этого угора Россия видней// Литературная газета, 2015 год, №8. 25 февраля – 3 марта.
3. Оссовский О.Е. Абрамов Федор Александрович. Глава в Биографическом словаре // Русские писатели, XX век: биограф. Слов. : А – Я / сост. И.О.Шайтанов. – М.: Просвещение, 2009. – 623 с. : илл. – С. 7, 8. ISBN 978-5 –09-017151-9.
4. Большакова А.Ю. Феномен «деревенской прозы» (вторая половина XX века) // Крестьянство в русской литературе 18-20 вв. – М., 2004. С.323-356.
5. Золотусский И.И. Исповедь Зоила: Статьи, исследования, памфлеты. – М., 1989.
6. Дубровина И. Дубровин А. Новое художественное мышление: опыт и гипотезы // Дубровина И. Дубровин А. Канон или канун? Литература, кино, эстетика: дух обновления. – М.: Сов. писатель, 1990, с. 201-266.
7. Дедков И. Художественный мир Федора Абрамова // Абрамов Ф. Собр. соч.: В 3 тт. – Ленинград: Худ. лит., 1990. Т.1., с. 5-27.
8. Овчаренко А.И. «Две зимы и три лета Ф. Абрамова» // Овчаренко Александр. Большая литература. Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985 годов. Шестидесятые годы. – М.: Современник, 1985. С. 312-319.
9. Турков А. Федор Абрамов: Очерк. – М.: Советский писатель, 1987. – 240 с.
10. Серафимова В.Д. Абрамов Федор Александрович // Литература и язык: Энциклопедия/ Научный ред.: член-корреспондент РАН П.А.Николаев (буквы А-Л, Н-П) – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. – 584 с. – С.8. – (Современная иллюстрированная энциклопедия).

□

Вера Дмитриевна СЕРАФИМОВА –

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв.

Московского педагогического государственного университета,

литературовед.

Более 40 лет занимается изучением русской поэзии и прозы XX в.

Автор монографии «Андрей Платонов

и философско-эстетические искания русской литературы

второй половины XX века

(В. Шукшин, В. Распутин, Л. Бородин)»,

автор множества научных, научно-методических статей,

учебных пособий.

В журнале «Север» публикуется впервые.

